

МАЛОАЗИЙСКИЙ КОВЕР В СИСТЕМЕ ВОСТОЧНЫХ КОВРОВ

КАРОП ГОМБОШ (Венгрия)

Со второй половины прошлого века в Европе, а в дальнейшем и на западном полушарии, в условиях развития международной торговли возникает огромный интерес к восточным коврам почти во всех слоях общества. Эти изящные произведения восточного искусства (Малая Азия, Кавказ, Персия и Средняя Азия) заинтересовали и научный мир. Вот уже более века европейское ковроведение пытается очертить ареалы происхождения ковров, классифицировать типы, определить принадлежность каждого ковра к культуре того или иного народа, разрешить многочисленные вопросы технического и эстетического характера, а также загадку происхождения самого ковра. Возникает обширная литература по ковроткачеству.

Наше исследование посвящено малоазийским коврам, рассматриваемым в общей системе восточного ковроткачества. Малоазийские ковры разными учеными рассматриваются как явления анатолийского, турецкого и сельджукского ковроткачества.

Малоазийскими коврами занимались Вильгельм Боде, Эрнст Кюнель, Курт Эрдман, И. Птен-Марш, специалисты из Музея истории текстиля в Вашингтоне и многие другие. В Венгрии основу исследований заложили Карол Лайер, Карой Чаньи, Эржибет Каньо, Янош Яйпай и Мария Чернянски. В последнее время интересующие нас типы ковров изучают Эдит Эгнэд и Франц Батарш.

Если мы обратимся к прекрасным коврам XVI—XVII вв. из широко известной коллекции малоазийских (анатолийских) ковров Музея прикладных искусств в Будапеште, мы убедимся в том, что перед нами продукт многовековой художественной традиции ковроткачества. В поисках древнейших истоков коврового искусства тюркского населения Малой Азии некоторые исследователи пришли к мнению, будто основы ковроведения в Малой Азии были заложены в эпоху правившей в 1077—1307 гг. сельджукской династии. Немецкий ученый Курт Эрдман успешно развивает эту теорию в своих работах¹. К этой упрощенной точке зрения примкнули современные турецкие искусствоведы². Упомянутое мнение широко популяризуется. В действительности же становление ковроткачества у анатолийских тюрок имеет весьма сложную предысторию, его истоки никак нельзя выводить исключительно из среды тюркских пародов.

Вышедшая из туркмено-огузской знати сельджукская династия (с основателем Сельджуком) завоевала в первой половине XI века значительную часть современной Центральной Азии, Иран, Кавказ и Малую Азию. Одна из ветвей этой династии создала после захвата малоазийского города Конии (Иконья) в 1077 г. Конийский султанат. Тюрки-сельджуки завоевали в 1081 г. город Изник (Никея) и в

¹ См.: Kurt Erdmann. The History of Early Turkish Carpet. London, 1977.

² См.: Oktay Aslanapa. Turkish Arts. Istanbul, 1962; O. Aslanapa, Y. Durul Selcuklu Halıları. Istanbul, 1974.

1085 г.—Измир (Смирна). Только нашествие монголов положило конец их завоеваниям; сельджукское войско понесло тяжелое поражение у Кесе-дага.

При сельджукском господстве (преимущественно в XII—XIII вв.) значительное развитие получила архитектура Малой Азии. Большие успехи были достигнуты также в различных отраслях прикладного искусства. Это привело к тому, что созданные тогда выдающиеся памятники искусства стали приписывать исключительно достижениям сельджуков.

Сельджукское государство именовалось также Румским султанатом. «Рум»—название Восточной Римской или Византийской империи у арабов и азиатских тюрок. Румский султанат достиг наивысшей точки своего могущества во время правления Ала'ад-дина Кенкубада I, распространившего свои завоевания даже на Крымский полуостров. Многие туркмены-огузы перешли в XI—XIII вв. в Малой Азии к оседлости, но большая часть их и позднее продолжала вести кочевой образ жизни, занимаясь скотоводством. В городах проживало немало персов—ремесленников, купцов и чиновников; среди местных жителей много было также греков и армян. После поражения у Кесе-дага в 1243 г. сельджукский султанат превратился в вассального данника монголов. Империя сельджуков окончательно распалась на небольшие эмираты, которые зависели от правящего в Аксарая монгольского местника.

В. А. Гордлевский, занимаясь историей малоазийского государства сельджуков, в свое время пришел к тому, что сельджукская проблема является для турок вопросом не научного, а скорее политико-националистического характера. В 1937 г. на конгрессе ученых-историков была высказана мысль, что вторжение сельджуков подорвало единство мусульманского мира. Эта идея подверглась нападкам со стороны националистически настроенных турок. Согласно их мнению, сельджуки пробудили к жизни разлагавшийся халифат, и завоеватели несли с собой порядок и свободу. Любопытно, что турецкие научные круги сперва не были единодушны. Турецкий филолог А. Ф. Кеprüлю отрицал влияние на Османское государство как Византии и греческого мира, так и самих сельджуков. Отрицание или замалчивание фактов является негативной чертой турецких историков и искусствоведов. С недавних пор в этом кругу утвердился новый метод так называемого объективного подсчета фактов, но с тем итогом, что все достижения искусства, например, ковроделия, являются заслугой турок, а греки и тем более армяне могли в лучшем случае лишь заимствовать их у турок. Этот метод характерен и для объемной монографии III. Еткпна³. Читатель может прийти сперва в недоумение, но все быстро становится на свои места, если вспомнить, что турки в большинстве случаев проявляли активную нетерпимость к проживавшим в империи нетурецким народам. Упомянутый выше метод создает в современных научных кругах трудности в освещении реальных исторических фактов. Книга Гордлевского представляет собой собрание данных о культуре малоазийских греков, армян, сирийцев и других народов, которая, естественно, находилась на более высоком уровне развития, чем культура сельджуков⁴.

³ S. Yetkin. Early Caucasian Carpets. I—II. England, 1978.

⁴ В. А. Гордлевский. Государство сельджуков Малой Азии. М.—Л., 1941. с. 198.

Возникновению в последние годы легенды о сельджукских коврах способствовали не столько факты, сколько чересчур рьяные националистические чувства. Более основательное изучение истоков азиатского коврового искусства затрудняется тем, что этот вопрос сегодня приобрел скорее политический характер. Лжепатриотическая ностальгия по распавшейся в конце первой мировой войны гигантской турецкой империи привела к тому, что турецкие искусствоведы все художественные достижения многочисленных народов, населявших территорию империи, ныне провозглашают исключительно достоянием турецкого народа. К этой националистической позиции частично примкнули немецкие исследователи, которые лишь в некоторых пунктах упоминают творческую роль византийских греков, ближневосточных, кавказских и иранских народов в создании и возникновении малоазийского коврового искусства.

Принципиальным и методологическим недостатком немецкого восточного ковроведения является изолированное исследование сохранившихся образцов, которые рассматриваются вне общественно-экономической реальности, не анализируются во всей совокупности данных конкретной исторической эпохи. В результате *складывается впечатление*, что так называемые *сельджукские ковры возникли неожиданно и внезапно, не имея предыстории*.

Арабские путешественники X в. оставили нам в описаниях всех значительных событий перечень изделий и товаров, характеризующих данную эпоху. Однако в их путевых записях мы не находим каких-либо сведений о продукции ремесленного производства сельджуков, и совершенно непонятно, почему этот факт был оставлен без внимания и не рассмотрен исследователями в цепи логического анализа.

При рассмотрении сельджукского вопроса следует проанализировать обстановку в Малой Азии в X—XI вв. и, исходя из этого, положение самих сельджуков в ней. Необходимо обрисовать также и регион начала сельджукских завоеваний.

В опубликованной академиком Б. Г. Гафуровым монографии⁵ «История таджикского народа» говорится о том, что в период IX—XII вв. на территории Средней Азии большое развитие получили земледелие и садоводство, ремесло и торговля, а также другие отрасли культуры. Земледельцы и ремесленники, населявшие оазисы, вели оживленную торговлю с кочующими тюркскими племенами. Однако сведения о продуктах товарообмена показывают, что кочевники в X—XII вв. продавали земледельческому населению лошадей, скот, шкуры, шерсть, молочные продукты и рабов, покупая взамен в городах в первую очередь пшено, хлопчатобумажные и шелковые ткани, оружие и утварь. Письменные источники упоминают на территориях, населенных туркменами-огузами в XI в., лишь два значительных поселения: города Янгикенд и Джанд по берегам реки Сыр-Дарья; зато все крупные ремесленные и торговые города находились на территориях, населенных таджиками. Все эти факты не говорят в пользу того, что захватившие в XI в. Малую Азию сельджуки должны были обладать навыками в строительном деле и ремеслах. К завоеваниям их побудили недостаток пастбищ и колодезев и богатство самих городов. Племена туркменов-огузов кочевали по огромной территории, в процессе завоеваний восприняв многие элементы культуры завоеванных иранских народов и способствуя, в свою очередь, их распространению. Этот

⁵ Б. Г. Гафуров. История таджикского народа. Т. II, М., 1964, с. 160—175, 247—264.

факт вводит в заблуждение многих исследователей, однако роль посредника никогда не может быть равноценна роли творца.

Части, занимавшихся ремеслами, торговлей, а также и сельским хозяйством таджиков и согдов стали в X и XI вв. в окружении кочующих тюркских народностей двуязычными, позднее слившись с азиатскими тюрками.

Такое дело и торговля, которыми занималось иранское население центральноазиатских городов, изучены недостаточно и малоизвестны, несмотря на то, что выделяемые там хлопчатобумажные, шелковые и льняные ткани отличались высоким качеством, и можно утверждать, что именно эта продукция сохранила значительную часть орнаментальных мотивов, известных нам с античной эпохи и периода раннего средневековья, которые могли оказать влияние на текстильные изделия всех проживавших здесь народов, в том числе кочевников. В Бухаре в X в. производились изящные ткани для украшения полов, а также для каравансараев. Историк Нарсаки упоминает, что в IX в. в Бухаре существовала специальная мастерская по изготовлению различных тканей и ковров. Некоторые исследователи считают, что она находилась в квартале, населенном арабами. Местные товары продавались по всему Ближнему Востоку, а также поставлялись ко двору багдадских халифов. В деревне Зандан, в то время еще не входившей в черту города Бухары, изготовляли знаменитые ткани «Занда джи». Неподалеку от Самарканды, в деревне Ведар производились ткани из высококачественного однотонного хлопчатобумажного волокна. В Самарканде выделяли украшенную серебром парчу, шелка, шатровые ткани и холст, в Арбинджане—зимние халаты (из шерсти) и молитвенные ковры. Дисак, Абиберд, Тшатш, Фергана, Исфинджаб, Мерв, Нишапур, Ниса и многие другие города славились своими хлопчатобумажными, шерстяными, шелковыми и льняными тканями; во многих районах изготовлялись также и ковры, в том числе—молитвенные. Искусство народов сельджукского государства, существовавшего в XI и XII вв., нельзя воспринимать как достижение турок-сельджуков, так как власть сельджуков характеризует лишь эпоху, но ни в коем случае не самобытное искусство разных народов.

Профессор Бартольд, давая оценку XI в., подчеркивает, что отдельные группы турок приняли ислам под влиянием миссии мусульманских дервишей, исходя из собственных интересов. Ислам не мог быть навязан им силой оружия. Принятие ислама не воспрепятствовало грабительским походам турок на другие мусульманские народы, тем более на христиан. Для оправдания захватнических походов был даже сострян религиозный документ, согласно которому устами аллаха говорится: «У меня есть воинство на Востоке, и это воинство—турки. Если я разгневаюсь на какой-либо народ, я пошлю на него мое воинство». Этот текст был записан в XI в. Махмудом Кашгаром. Культурный уровень азиатских турок был в то время таков, что позволял легко воспринять мусульманские религиозные представления. Сельджуки с большим трудом расставались со старым кочевым образом жизни, связанным с непрекращающимися набегами, войнами и грабежами. Низам-Аль-Мульк, почти тридцать лет стоявший во главе царства сельджуков, оставил нам подробное описание положения страны, а также и положения в ней самих туркмен. Как считает Низам-Аль-Мульк, последние были обузой для государства, хотя нельзя отрицать их заслуг перед сельджукской династией, с которой те были в родстве. Сельджукский предводитель собирался создать из воинственных настроенных туркменских юношей придворную лейб-гвардию с целью

приобщить их к культурному образу жизни. Но реализовать этот план ему не удалось, и чтобы избавить земледельцев и торговое и ремесленное население от постоянного страха перед грабительскими походами кочевых туркменов, воинов отправили в пограничные районы для охраны царства и ведения войны против византийцев и грузин⁶. Одной из главных забот властителей покоренных иранских народов была защита жителей сел и городов от грабежей кочевников, так как возвращение пастухов на зимовье всегда влекло за собой систематически грабеж всей округи⁷.

Арминий Вамберн в своих работах убеждает нас в том, что малоазиатские тюрки-сельджуки вели кочевой образ жизни. Этот факт приводится им с последовательными обоснованиями: «В течение всего времени, когда тюрки-сельджуки господствовали над Малой Азией, собственно тюркский элемент всегда был при оружии и проживал в шатрах. Тюрки занимались только скотоводством, земледелие же было доверено частично захваченным в войнах рабам, частично греческому и армянскому населению страны». Далее Вамберн пишет о том, что сельджукам нелегко было воспринять культуру коренного греческого и армянского населения, так как их образ жизни и религия были совершенно иными. Тот же автор также указывает, что процесс отуречивания греческого и армянского населения Малой Азии начался лишь в XIV в.⁸

Махмуд Кашгарц, создавший в 1084 году турецко-арабский словарь, говорит о сельджуках как о туркменах-огузах. В 980 г. арабский путешественник Макдиси называет их туркменами. Этот народ принял ислам при Сельджуке (умер после 922 г.) в X веке не проявив, однако, особого рвения.

Арабский путешественник IX века Якуби, касаясь туркменов-огузов, приводит сведения лишь о *войлоке, шерстяной одежде и кожаных наконечниках стрел*. Кустарное производство тюрков в XI в. еще значительно отставало от развитого ремесленного производства городов. Это относится и к торговле. Среди товаров, продаваемых туркменами-огузами, значились шерсть, войлок, сыромятные шкуры, козий пух, драгоценная пушнина и рабы. Эквивалентом стоимости в первую очередь был скот, позже появились деньги. Пастухи-кочевники занимались разведением овец, лошадей, верблюдов и мулов. Среди туркменов-огузов встречались также рыболовы и охотники. Количество оседлых сельджуков было крайне невелико. Но уже в X—XI вв. часть сельджуков кроме скотоводства занималась земледелием. В это время в их среде начинают выделяться имущие слои, имеющие вооруженную охрану, слуг и рабов, непрерывно совершающие грабительские набеги.

Туркмены-огузы во главе с Сельджуком обитали по берегам реки Сыр-Дарья. В X и XI вв. они захватили значительную часть Центральной Азии, Ирана и Ближнего Востока. Не вызывает сомнения тот факт, что впервые с городской жизнью сельджуки познакомились после завоевания города Мерва (1035 г.). Исторические источники X и XI вв. в большинстве случаев характеризуют центрально-азиатских тюрков как смелых и искусных воинов, но в них нет никаких данных о тюрках

⁶ В. В. Бартольд. Сочинения, т. II, М., 1963, с. 580.

⁷ Там же, с. 243—244.

⁸ Armin Vambergy. A török faj (Die türkische Rasse). Budapest. 1885, 705—741.

как поставщиках ремесленных товаров, признанных на рынках азиатских городов.

Появившиеся в Малой Азии сельджукские завоеватели встретили там развитую культуру городов. Геродот сообщает сведения о превосходных кавказских красителях: «На одеждах нарисованы фигуры, при этом краски впоследствии не стираются, а так сливаются с материалом, как будто они первоначально были вотканы в него». Ксенофонт в IV в. до н. э. свидетельствует о том, что армянские села выплачивали персам дань лошадьми и в описании трапезы упоминает ковры местного изготовления. Ассирийский царь Саргон II в 714 г. до н. э. в одном из походов захватывает в храме города Мусасира у озера Ван в качестве добычи ткани пурпурно-красного цвета. Армянский историк V в. Мовсес Хоренаци сообщает о черном красящем орехе и тонких кожах, окрашенных красной краской, добываемой из крошечных червячков, водившихся в Араратской долине (вордан кармир). Армянский историк V в. Фавстос Бузанд сообщает о применении ковровой продукции: роскошными, подчеркивавшими знатность и высокое положение в обществе подушками для сидения подобало пользоваться только царям, вельможам и высшему духовенству. Небольшие коврики расстилали также под ноги. Эти обычаи были известны еще во времена армянского царя Тиграна Великого (I в. до н. э.). Булгарский царь Крум в 813 г. угнал в рабство армян—жителей города Адрианополиса (Эдирне), чьим традиционным ремеслом с VI в. являлось ковроделание. Весьма показательны, что драгоценные армянские ковры в перечне военной добычи упоминались на первом месте. Арабский путешественник X в. Ибн-Фадлан, объездивший приволжские владения булгарских князей, сообщает: «Все живут в юртах, и есть только одно различие: в огромном шатре князя может поместиться тысяча человек, и пол почти всегда покрыт армянским ковром». Важно упомянуть Ибн-Фадлана о том, что трон князя покрывался византийской тканью. Это свидетельствует о том, что византийская шелковая ткань и армянский ковер в средневековье были атрибутом царского величия. Армянский ковер считался *царским* подарком. Русский турколог В. Бартольд пишет, что эмир Махмуд, став газневидским султаном, передает в дар Кадир Хану, властителю Туркестана среди прочих княжеских даров «армянские ковры дорогой выделки». Подобные же дары в 1033 г. получает газневидский султан Масудн. Однако нет никаких данных о том, что азиатские турки в ответ на это дарили равноценные ковры.

Согласно исследованиям швейцарского ученого Адама Меца, гаремы халифов Багдада в IX—X вв. украшали подушки и ковры⁹. Стены и полы багдадских дворцов устилались армянскими коврами. В X в. лучшими считались ковры из Исфагана, Армении, Бухары и Малой Азии. Армяне из года в год выплачивали дань халифам коврами. В 911 г. семь ковров было преподнесено в дар халифу и, по всей видимости, все они были значительных размеров. Один из подобных армянских ковров был 60 локтей в ширину и 60 в длину (1 локоть составляет 370—550 мм). Над одним таким ковром группа армянских ткачей работала, по-видимому, около 10 лет.

А. Сагзян в своем исследовании, посвященном армянским коврам с изображением драконов, упоминает о том, что согласно арабскому путешественнику Якуту (XII—XIII вв.), большие ковры выделялись в армянском городе К(h) алпкала (Qalikala) или Калнкала (Kalikala)

⁹ A d a m M e z. Die Renaissance des Islams. Heidelberg, 1922.

(совр. Эрзрум) и получили свое название от него (совр. «qali» или «hal»). Тюркские народы пользовались названием в форме «k(h)ali» для обозначения ковра. Сведения Якута подтверждают также данными Ибн-Халдуна о том, что ковры стояли на первом месте в списке выплачиваемых армянами налогов. Согласно тому же автору, армянскими коврами пользовались при дворе халифов уже в VIII в., тогда как сельджуки прорвались в Малую Азию намного позднее, в XI в. Таким образом, мы располагаем достоверными данными об армянском ковровом искусстве, возраст которого по меньшей мере на 300 лет опережает появление в этих местах тюркско-сельджуков.

Иногда имеет место неисторический подход к вопросу, наименее мнение о внезапности, «за одну ночь», возникновения текстильного производства у азиатских тюрков. Создается впечатление, будто «сельджукские» ковры появились в XIII веке неизвестно откуда, будучи к тому же продукцией первоклассных городских или дворцовых мастерских, и что создателями их являются сельджукские племена туркменно-огузов, которые еще вчера были скотоводами-кочевниками.

Достоинства средневековых армянских ковров достигались высоким качеством шерсти, красителями, придающими коврам ласкающую глаз пурпурную окраску, высоким мастерством и безупречной выделкой. Армянская шерсть высоко ценилась на средневековых рынках, считаясь второй по качеству после египетской. Арабские географы-путешественники в один голос подчеркивают, что нет краски лучше, чем «кирмиз» (вордан кармир), которая служила основным красящим материалом армянских ковров. Арабский путешественник Белаадзори (IX в.) называет армянский город Арташат «городом кирмиза», так как в нем, а также в Ани и Двине, трудились знаменитые мастера-изготовители красной краски. Рецепт ее изготовления в XVIII веке был уже утерян.

Средневековые арабские писатели сообщают об оживленной торговле армянских городов в IX—XI вв. Так, Истахри пишет об армянской столице Двин (по-арабски—Дабиль) в X веке: «В этом городе изготовляли шерстяные одежды, ковры, подушки для сидения, шпур и другие армянские изделия. Здесь имеется краска «кирмиз», которая используется для раскраски полотна. Развито также производство шелка. Город находится в руках знатных христиан, большинство населения Армении—христиане». Ибн Хаукаль (X век) дополняет это сообщение: «В Двине изготовляли много шелковых одеяний, и они похожи на римские (византийские), но шелка из Двина более драгоценны. Изготовляли и другие армянские ткани: так называемый «бутт» (платок для головы), подушки для сидения, покрывала, ковры и подушки «мутакн»; изделия такого высокого качества больше нигде в мире не делают». Арабские авторы приводят сведения и о другом крупном торговом городе Кавказа—Бердаа (Партав): еще в X веке он был знаменит своими шелками, кожей, шерстью, краской «кирмиз», коврами, покрывалами, а также фруктами, рыбой и другими товарами, которые свозились на базары Бердаа со всей округи.

Текстильное производство было важнейшим из ремесел средневековой Армении. Изготавливались превосходные шали, украшенные узорами покрывала, вышитые золотом одежды, которые поставлялись не только во владения Халифа, но и в саму Византию. Ценные армянские красители, в первую очередь краска «кирмиз», экспортировались даже в далекую Индию: в Багдаде армянским «кирмизом» окрашивали шелковые ткани. Производство и экспорт армянских текстильных товаров

(среди них и ковры) и знаменитых красителей обстоятельно подтверждаются данными IX—XI вв. Доказательства можно дополнить и тем, что сведения об основных видах продукции приводились еще античными авторами. Мы однако не располагаем никакими сведениями о том, что в вышеупомянутый период турки-сельджуки торговали бы какими-либо изделиями ремесленного производства.

Среди сведений средневековых арабских ученых-путешественников мы находим данные о том, что армяне в качестве налогов привозили ко двору халифов Багдада ореховое дерево, зерно, изысканную соленую рыбу, а также, помимо денег, ежегодно двадцать ковров, двести мулов и тридцать охотничьих соколов. Армянские рудокопы добывали серебро, золото, железо, медь, мышьяк, буру, свинец, ртуть, соль, строительный камень, деготь. Они могли торговать и платить налоги этими продуктами. Достойно сожаления, что добрая половина исследователей восточных ковров не анализируют достоверных данных средневековой торговли, несмотря на то, что эти данные однозначно указывают, какие именно товары пользовались признанием покупателей и купцов. Академик А. Я. Манандян в своем фундаментальном труде¹⁰ детально исследовал данные античной и средневековой армянской торговли; их использует и швейцарский ученый Адам Мец.

Появлению многочисленных курьезов способствует мнение некоторых исследователей о том, что греческие и армянские мастера в XIII—XIV вв. могли ткать сельджукские ковры, будучи только копировальщиками, а не создателями, так что сама продукция оставалась сельджукской. Согласно этому мнению, вчера еще занимавшийся скотоводством парод-вопи вдруг приступил к созданию ковров, передав затем навыки ковроткачества армянским, греческим, сирийским и персидским мастерам. На деле сельджуки являлись лишь заказчиками ковров и тканей у ремесленников из покоренных народов: греки, армяне, сирийцы и персы производили заказываемые товары и в новых условиях. Смешение орнаментов на коврах сельджукской эпохи однозначно показывает, что здесь сосуществуют малоазийские, греческие, армянские и персидские узоры, в которые постепенно начинает просачиваться и туркмено-огузский элемент орнамента. Элементы византийского и персидского орнамента шелковых и других тканей X—XIII вв. есть на этих коврах, что говорит о древности текстильного искусства, которое в действительности было продуктом городских мастеров. По поводу того, что знаменитые «сельджукские» ковры вышли из мастерских, у исследователей нет разногласий. Отнесение ковров, обнаруженных в мечетях сельджукской эпохи, к продукции сельджукского ковроткачества, без учета явных признаков искусства малоазийских народов (греков, армян, сирийцев и персов) является методической ошибкой.

Турецкие и немецкие исследователи, доказывая происхождение «сельджукских» ковров, опираются на то обстоятельство, что в 1905 году в мечети Ала-эд-дин в Конии (Турция) были найдены восемь ковров весьма древнего происхождения. Мечеть построена в 1220 году, что послужило предпосылкой для датировки ковров XIII веком. В 1330 году в городе Бейшехр три таких же старинных ковра были обнаружены в выстроенной в 1296 году мечети Эсрефоглу. Эти данные дополнялись коврами анатолийского происхождения, выявленными в Фостате (старый Каир, Египет).

¹⁰ А. Я. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954.

Узор так называемых сельджукских ковров, а также их большие размеры указывают на то, что они изготовлены в городских мастерских.

Ковры, найденные в Конии, Бейшехире и Фостате, безусловно относятся к очень раннему времени, но было бы преувеличением связывать их возраст с датой постройки самих мечетей. До конца не выяснен вопрос о происхождении этих ковров из городов Малой Азии. Следует принять во внимание, что текстильная продукция, включая ковры, относится к числу легко транспортируемых товаров. Крайне неверна точка зрения, согласно которой ковроткачество впервые появилось в Малой Азии в XIII веке, будучи завезенным тюрками-сельджуками с их прежней родины—из районов Центральной Азии. О древних традициях текстиля в этом регионе свидетельствуют археологические находки VII в. до н. э.^{*}, относящиеся к Урартскому царству. Найденный на Алтае шерстяной (узелковый) ковер, датируемый V—IV вв. до н. э., несомненно относится к переднеазиатскому культурному региону (персидский или армянский круг).

Определенная пристрастность сказывается и в интерпретации источников. Описание путешествия Марко Поло в Малой Азии в 1271—72 гг. часто переводится и излагается произвольно. В большинстве случаев не приводится текст оригинала: «В Туркмении проживают три народа. Первый народ—это туркмены, которые молятся Магомеду. Это простые люди, язык у них грубый, они живут в горах и долинах и занимаются разведением скота. У них превосходные лошади и мулы. Два других народа—это армяне и греки. Они живут в городах и селах, занимаются торговлей и ремеслами. Именно там изготовляются самые лучшие ковры наиболее красивых расцветок (курсив мой,—К. Г.). Они, кроме того, усердные производители шелковых тканей и красителей». Марко Поло детально проанализировал национальный состав населения Малой Азии, превзойдя в этом современных исследователей. Последние пренебрегли тем фактом, что Малая Азия многонациональна, и потому постоянное выделение исследователями правящей национальности искажает реальную ситуацию. Марко Поло сообщает, что город Себастья был столицей Малой Армении, и что жители его—христиане и вассалы татар. Морской порт армянского города Айас поставлял в Венецию, Пизу и Геную многочисленные товары (пряности, одежды с серебряным и золотым шитьем, шерсть). Об Эрзинга (совр. Эрзинджан) Марко Поло пишет, что здесь ткали самую лучшую тесьму, и в городе много превосходных ремесленников, и здесь можно найти самую хорошую и красивую шерсть. Он добавляет при этом, что было еще много других ремесел, которых он не упоминает. По сообщению Марко Поло, в городе Аргинон (основанный армянами Эрзрум) ежедневно добывалось много серебра.

В своих исследованиях по истории культуры ученым необходимо, несмотря на возможные трудности, учесть национальный состав населения изучаемой страны в рассматриваемую эпоху. Игнорирование этого вопроса приводит к искажению фактов—приписыванию всех культурных ценностей правящему народу в ущерб культуре поработенных народов.

* На территории Армении археологические данные продвигают это время до II тыс. до н. э. В одном из погребений Артинского некрополя (ПТ—89), датируемом XII—XI вв. до н. э. был найден фрагмент ткани с сохранившимися цветами и орнаментом. См.: Т. С. Хачатрян. Артинский некрополь. Ереван, 1972, с. 146. (прим. переводчика).

Существует много сведений о том, что армянские, греческие и персидские ремесленники переселялись турками-османами из захваченных городов в Стамбул с целью развития там ковроделия. Переселение армянских ремесленников из городов Эрзрум, Ерзнка, Спвас, Байбурт, Дварбекир, Караман, Муш, Ван, а также из Тебрнза произошло в 1473, 1479, 1514, 1534 годах. Армяне, греки и сирийцы были лучшими ремесленниками, горняками и торговцами во всей Малой Азии. В их руках находилось ткацкое производство, производство шелка, ковров, красильное дело, кожевенная промышленность, а также оружейное дело, ювелирное дело, металлообработка, кузнечное дело, гончарное производство. Кроме того, они занимались добычей железа, меди, серебра, золота и камня. Следует добавить, что ремесло и торговля относились турками к числу презренных занятий и считались обязанностью порабощенных народов. В результате погромов и преследования армян и греков вместе с населением восьмидесяти пяти городов погибли и архивные материалы, что сильно усложнило анализ ситуации в промышленности и ремесленном производстве в эту эпоху.

Рис. 1. Ковер 150×220 см., XVI в.,
Будапештский музей, № 14785

Рис. 2. Трансильванский ковер 120×147
см., XVII в., Будапештский музей, № 14311.

Перечисление средневековых торговых центров не проливает свет на национальную орнаментику восточных ковров. В XVI—XVII вв. в Венгрию попало много ковров с Востока, которые назывались «ковры из Порты», «турецкие ковры» или «персидские ковры»¹¹. Названия эти указывают лишь на место производства, но ни в коей мере не на национальную культуру производителя. В Малой Азии при господстве

¹¹ Béla Radvanszky. Ungarisches Familienleben und Haushalt in XVI und XVII Jahrhunderten. Budapest, 1879—1896. I—III.

турок-османов работали греческие и армянские ковроделы, однако их изделия считались турецким товаром.

Арабский автор Ибн Халдун рассказывает, что армяне в конце VII в., во время Махди и Гарун аль Рашида ежегодно поставляли в качестве налогов халифам Багдада двадцать ковров. Число их может показаться небольшим, но следует учесть, что речь здесь идет о коврах значительных размеров. Арабский летописец Мухаммед Баркиши пишет, что «Эмир Юсуф Абу-Садж в 299 году Хиджры (в 911 году) послал своему халифу Мухтадиру из Армении 400 лошадей, 30 тысяч динаров и 7 армянских ковров». Каждый ковер был 60 локтей в длину и столько же в ширину. Армянские ткачи ткали подобные коверы десять лет. Вызывает недоумение то обстоятельство, что вышеупомянутые сведения об армянских коврах не учтены целым рядом ученых. Критически должно быть оценено и замечание о турецких коврах французского путешественника Пьера Белона, где также речь идет о географическом регионе, а не о национальной принадлежности мастеров¹². В Каппадокии и Киликии в сельджукскую эпоху процветало ткацкое ремесло, которым в основном занимались армяне. То же самое можно сказать и о районе города Карс. К сожалению, путешественники сообщают лишь о самой торговле коврами, гораздо в меньшей степени интересуясь их ткачами.

То, что турецкая империя представляла собой многонациональное государство, легко подтверждается как сочинениями средневековых авторов, так и более поздними источниками. В трудах турецкого путешественника и ученого Эвлии Челеби ясно вырисовывается, что значительное число проживавших в Константинополе ремесленников было греческого или армянского происхождения. Армянина или грека можно было встретить среди корабелов и скорняков, ткачей, строителей, мельников, сапожников, ювелиров, художников, чеканщиков и парфюмеров, а также среди землекопов-строителей каналов и мусорщиков (чистильщиков каналов).

Живший в XIV в. арабский путешественник Ибн Батута не раз пишет о различном применении ковров, но нигде не упоминает о том, чтобы туркмены-огузы ткали ковры для продажи. По данным французского исследователя Эрнста Шантра в Турции еще в конце прошлого века проживало 1 765 000 армян, большинство которых было превосходными ремесленниками, торговцами или садоводами¹³. К недостаткам исследований по восточному ковроделию следует отнести то обстоятельство, что часть исследователей, ввиду скудных данных или исходя из соображений удобства, не прибегают к анализу национального состава населения страны, производившей ковровую продукцию. С этой точки зрения, исключение составляет фундаментальный труд швейцарского ковроведа И. Итен-Марпца¹⁴, который весьма тщательно проанализировал, основываясь на имеющихся в его распоряжении данных, исторически меняющийся состав населения Малой Азии, в результате чего смог доказать вклад армянского и греческого населения страны в развитие малоазийского коврового искусства. О том же пишет и Вальтер Б. Денни¹⁵. Неоднократно затрагивает этотрабо-

¹² Kurt Erdmann. Der türkische Teppich des XV Jahrhunderts. Istanbul, S. 11.

¹³ Les arméniennes Esquisse Historique et ethnographie. Lyon, 1896.

¹⁴ J. I ten-M ar t z. Der anatolische Teppich. Fribourg—München, 1975. См. также изданную тем же автором «Энциклопедию восточного ковра»: Die Enzyklopädie des Orientteppiches. Herford, 1977.

¹⁵ Walter B. Denny. Anatolian Rugs, an Essay on Method. USA, 1973.

левшим вопросом в своих трудах и маститый немецкий ковровед У. Шюрман¹⁶. Однако большинство опубликованных работ пытается обойти эту тему или же повторяет устаревшие данные.

Османская империя представляла собой тюрьму народов, где угнетатели и угнетенные должны были сосуществовать друг с другом. Угнетение усугублялось искусственно насаждаемым религиозным и расовым антагонизмом. Стремление к свободе угнетенных народов подавлялось турецкими националистическими правящими кругами массовой резней. Нетурецкое население вынуждено было выбирать между

Рис. 3. Вишалагорг 167×213 см., XVII в., Будапештский музей, № 7910

Рис. 4. Ковер 110×157 см., XVII в., Будапештский музей, № 14433

отуречиванием и постоянным унижением и физическим истреблением. Известно, что в годы первой мировой войны в Османской империи был осуществлен геноцид западных армян, в результате чего было уничтожено полтора миллиона человек¹⁷. После подобных событий не приходится удивляться тому, что определенные турецкие научные круги пытаются умолчать выдающийся вклад армянского народа в развитие турецкого искусства, с неохотой признавая лишь влияние греческого и персидского искусства. Расистские предубеждения, националистическая враждебность и чувство расового превосходства оказали вредное влияние на научную деятельность. Остается сожалеть о том, что возникшие таким образом представления были переняты и европейскими учеными, и что эти ненаучные и националистические теории сумели найти себе поддержку.

Курт Эрдман усматривает две эпохи развития турецкого коврового искусства: первая эпоха—это период так называемого сельджук-

¹⁶ U. Schürmann. *Caucasian Rugs*. London, 1964.

¹⁷ Геноцид армян в Османской империи. Под ред. М. Г. Нерсисяна. Ереван, 1983. Предисловие.

ского искусства XIII—XIV вв., вторая эпоха связана с периодом расцвета османо-турецкого коврового искусства в XVI—XVII вв. В XV веке согласно Эрдману в Малой Азии почти не существовало ковроткачества, оно едва известно. Однако каким же образом в этом случае был перекинут мост между существовавшим в XIII—XIV вв. сельджукским и возникшим позднее, только в XVI веке, турецким ковровым искусством? Такое разделение турецкого ковроткачества на исторические этапы представляется крайне натянутым. Оно содержит только одно историческое зерно—факт существования сельджукского государства в промежутке с 1077 по 1307 гг. Однако формирующееся в середине XIV века государство турок-османов не было непосредственным продолжением сельджукского царства. Среди источников возникновения турецкой художественной культуры искусство сельджукской эпохи было несомненно важным, но не главным фактором. Наибольшее воздействие оказали здесь художественные традиции греков, персов и кавказских народов, а также собственный художественный материал турок-османов. Курт Эрдман никак не сумел справиться с XV столетием: вековой разрыв в развитии малоазийского ковроделия едва ли возможен, как невозможно неожиданное возникновение моста в XVI веке и внезапное появление турецкого коврового искусства. Немецкая ковроведческая наука не приняла во внимание того, что в X—XI вв. сельджукские туркмено-огузские племена появились как захватническая военная сила, а позднее в XVI в.—новые завоеватели— турки-османы также имели в своей социальной основе кочевое скотоводство.

Советский историк С. Г. Агаджанов в своих фундаментальных трудах детально разработал сельджукскую проблему, приходя к выводу о том, что сельджуки (туркмены-огузы) в X—XI вв. были скотоводами, ведущими кочевой образ жизни¹⁸.

Утверждая, что найденные в мечетях Кошии, Бейшехира и в Фосте (Египет) ковры архаического облика являются якобы сельджукскими изделиями, исследователи обосновывают свою точку зрения тем, что мечети XIII века, в которых эти ковры были найдены, будто бы также выстроены сельджуками. Однако было бы ближе к истине, если бы эти исследователи говорили об указанных мечетях и других подобных сооружениях лишь как о памятниках сельджукской эпохи, так как архитектурное искусство Малой Азии этого времени было продуктом армянского, греческого и сирийского народов. Туманная, чересчур общая формулировка «сельджукское искусство» ни о чем не говорит и ничего не разъясняет. Все исторические источники, археологические находки и сохранившиеся памятники искусства однозначно показывают, что сельджуки в XI веке не были сведущи в архитектуре и строительном ремесле. Нельзя согласиться и с тем, будто завоеватели в XII веке неожиданно стали архитекторами, создавая новый художественный стиль, заложив основы как для архитектуры, так и для прикладного искусства. Освоение строительного искусства и ремесла может состояться лишь в результате многовекового развития. Венгерскому обществу суждено было стать на такой путь в X веке: венгры, расставшись со своей степной культурой, освоили каменную архитектуру и развили ремесленное производство в результате заимствования у немецких, итальянских и французских мастеров. Достоинство венгерского народа несколько не пострадает от того, если мы признаем, что

¹⁸ С. Г. Агаджанов. Очерк истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв., Ашхабад, 1969.

все достижения современной культуры переняты у зарубежных мастеров после завоевания страны, и этот процесс освоения длился не несколько десятилетий, а много веков.

Сельджукские завоеватели, вторгшиеся в Иран, Хорезм и Малую Азию, застали там высокоразвитую строительную культуру и ремесло. Правящая прослойка сельджуков, объединившись с имущими классами побежденных народов, выработала совместно новое искусство, отвечавшее запросам и вкусам завоевателей. Обозревая территорию Малой Азии и Кавказа, можно утверждать, что в этом регионе самыми развитыми познаниями в архитектуре обладали армяне, греки и сирийцы. Все формы, декоративные и стилевые элементы XII—XIII вв.

Рис. 5. Джрабердский ковер 130×194 см., XIX в., Будапештский музей, № 73.189.1

Рис. 6. Ковер 98×115 см., XIX в., Будапештский музей, № 56.41.1

можно встретить в армянской архитектуре еще V—X вв. Греческие, армянские и сирийские заимствования в архитектуре дополнялись в дальнейшем в отдельных деталях персидскими и индийскими орнаментальными мотивами. Отражением всего этого явились сооружения сельджукской эпохи. Ирония судьбы в том, что все эти факты вынуждены были признать даже ярые приверженцы «сельджукского искусства». Рельеф с изображением царского двуглавого орла на крепостной стене Конии, датруемый 1221 г., связан с тотемной птицей туркменвогузов (орлом), однако вышеупомянутый орел заимствован уже из иранского и армянского искусства. Изображение царского орла можно найти также и на рельефах армянского храма VII века Звартноц. На крепостной стене Конии можно увидеть изображение извивающегося дракона, датруемое также 1221 г. С первого же взгляда бросается в глаза, что этот дракон скопирован выполнявшим заказ мастером с

ворот Багдада (Talisman-Tog). Множество подобных рельефов встречается на церкви Св. Креста в Ахтамаре, построенной армянами между 915—921 гг.

Изображение Геня на крепостной стене Конни (начало XIII в.) указывает на иранский культурный ареал, в котором мотив духа-защитника был известен еще в эпоху Сасанидов. С другой стороны, мотив ангела-хранителя можно найти и в армянском христианском искусстве. В архитектуре сельджукского времени нет ни одного орнаментального мотива, который не был бы известен армянским мастерам в V—VII вв. История обработки камня в Армении представляет собой непрерывный процесс формирования декоративного искусства. В то время, когда сельджуки еще не вышли на историческую арену, армянские мастера создают на стенах церкви Св. Креста в Ахтамаре рельефы, представляющие все художественные приемы скульптурного мастерства во вьющихся растительных и ленточных мотивах, геометрическом орнаменте, в целых сценах и легендах о птицах, зверях, рыбах, чудовищах, апостолах и царях. Это искусство в XI—XIII вв. независимо развивалось по пути художественно-декоративного стиля. Оно не могло заимствовать декоративные элементы рельефа у сельджуков, которым те ранее не были известны. С полным правом мы можем задать вопрос: как повлияло сельджукское нашествие в XI веке на дальнейшую судьбу художественной культуры? Академик Н. А. Орбели очень четко выделяет в одной из своих работ роль сельджуков в развитии искусства: они явились скорее ферментирующей силой и в гораздо меньшей степени определяющим фактором¹⁹. Здесь можно провести параллель с завоевательными походами и строительной деятельностью Тамерлана (1370—1405), насильственно переселившего из Азии в Самарканд ремесленников для возведения мечетей, медресе и мавзолеев. Значительное число этих сооружений сохранилось до сегодняшнего дня, однако никто не называет их монголо-татарскими или тюркскими постройками, так как строителями были в основном персы, сирійцы, армяне, арабы и индийцы.

Термин «сельджукское искусство» указывает лишь на юридическую власть господствующей династии сельджуков. Хотя мы и находим в книгах по исламскому искусству некоторые ссылки на то, что в постройках сельджукской эпохи есть византийское, а на миниатюрах — персидское и месопотамское влияние, тем не менее это всего лишь стыдливое, вынужденное признание того факта, что сельджукская эпоха обязана своим искусством покоренным народам²⁰.

Для этих работ, в первую очередь, характерно игнорирование фактов, влияния культур и художественного творчества других народов. В результате все художественные произведения провозглашаются в них творениями сельджуков. Для подтверждения привлекаются арабские надписи на мечетях, медресе, мавзолеях и других зданиях. Это весьма зыбкое доказательство, поскольку в средневековом мусульманском искусстве было естественным употребление арабского языка. Архитектором мог быть перс, грек, армянин или сириец, христианин или мусульманин, но любой из них оставлял на стенах малоазийских построек свое имя на арабском языке. Например, в Анн есть мечеть Мануче (1072 г.), на которой сохранилась надпись на арабском, персидском, армянском и грузинском языках, восхваляющая эмира как

¹⁹ Н. А. Орбели. Избранные труды. Ереван, 1963, с. 367.

²⁰ David Talbot Rice. Islamic Art. London, p. 286.

«ашитника». Эта мечеть, как и многие другие сооружения этой эпохи, доказывает, что в это время те же самые архитекторы-армяне строили мечети для мусульман и христианские церкви для своего народа. В Малозазийском, так называемом сельджукском, архитектурном искусстве нельзя упрощенно говорить о большом или малом византийском или армянском влиянии. Истина заключается на самом деле в том, что построенные в XI—XIII вв., именуемые сегодня «сельджукскими» произведения архитектуры были созданы покоренными сельджуками народами. Достаточно бросить взгляд на сохранившиеся до наших дней замечательные церковные и монастырские постройки V—VII вв.—творения каменного зодчества Армении, чтобы убедиться в том, откуда пришли в Малую Азию архитектурные знания и стиль. К сожалению, значительное число историков искусства не знакомо как с историей архитектуры армянского народа, так и с его прикладным искусством, в результате чего туркам-сельджукам приписываются чужие заслуги. Некоторые искусствоведы для подтверждения удобных для себя гипотез прибегают к искажению фактов. Например, Тамара Тальбот Райс²¹ считает, что конструкция созданных в XIII в. сельджукских мавзолеев основывается на конусовидных, перевозимых на повозках, монгольских шатрах. На деле прообразом сельджукских мавзолеев были армянские церковные сооружения.

Надгробные памятники сельджуков также подражают армянским хачкарам. В районе города Карса известен даже случай удаления креста с древнего армянского хачкара и замена его другим узором. Армянский каменотес, имевший большой опыт в строительном деле, видимо, не ставил различия строя христианский собор или мечеть, так как одни и те же древние армянские орнаменты можно встретить на постройках обоих типов.

Искусству обработки камня, как мы наблюдаем это в Малой Азии и на Кавказе, требуется для развития не одно столетие. У сельджуков однако не могло возникнуть предпосылок создания каменной архитектуры, так как вплоть до XI века они проживали в степи, где не было ни каменных разработок, ни какого-либо строительства сооружений из камня. Это обстоятельство должно послужить веским аргументом в деле развенчания того мнения, что сельджуки сами были архитекторами сооружений, возникших в XII—XIII вв. «Сельджукский» ореол происхождения, созданный отдельными исследователями вокруг ковров, подвергается сомнению на основании лингвистических, археологических, этнографических, искусствоведческих и исторических данных. Дальнейшее исследование искусства тюркских народов у себя на родине несомненно даст новые дополнительные аргументы. Курт Эрдман и ряд других исследователей создали весьма сомнительную гипотезу о древнем, процветавшем в XIII—XIV веках турецком ковровом искусстве, не подтвердив однако свою точку зрения фактическим материалом. Факты только опровергают ее. Искусство греков и других народов не получило почти никакого отражения в описании развития коврового искусства Малой Азии XIII—XIV вв., а искусство армян из-за определенного предубеждения упоминается лишь вскользь. Такая предвзятость является тормозом на пути научного изыскания и может привести к ложным идейным выводам, может быть, далеким от позиции самого исследователя.

Пер. с нем. А. Р. Демирханяна.

²¹ Tamara Talbot Rice. Die Seldschuken. Köln, 1963, S. 109—110.

ՓՈՔՐԱՍԻԱԿԱՆ ԳՈՐԳԸ ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ԳՈՐԳԵՐԻ ՀԱՄԱԿԱՐԳՈՒՄ

ԿԱՐՈՏ ԳՈՄԲՈՇ (Հունգարիա)

Ա մ փ ա փ ու մ

Միջազգային առևտրի զարգացման բուռն վերելքի պայմաններում, անցյալ դարի երկրորդ կեսից սկսած նվրուպայում, ապա նաև արևմտյան կիսագնդում մեծ հետաքրքրություն առաջացավ արևելյան գորգերի նկատմամբ: Արևելյան արվեստի այդ գողտրիկ ստեղծագործությունը, բնականաբար, հետաքրքրեց նաև գիտական աշխարհին: Ահա չուր մեկ դար է եվրոպական գորգագիտությունը ջանում է ճշտել զորղերի ծագման մշակութային շրջանները, դասակարգել նրանց տիպերը, հնարավորության սահմաններում պարզել նրանց ազգային պատկանելությունը, լուծել տեխնիկական և զեղազրտական բաղում հարցեր, ինչպես նաև բուն իսկ գորգի ծագման ստեղծվածը: Մասնավորացնելով մեր խոսքը թուրքական գորգագործության վրա, պետք է նշել, որ նրա վրա, պարսկականից բացի, ներառվել է նաև հույն, իտալ, սիրիացի, եգիպտացի և արաբ վարպետների արվեստը: Մասնագիտական գրականության մեջ հաստատված ավանդության համաձայն թուրքական կայսրության տարածքում ստեղծված հնագույն գորգերը կրում են «փոքր-սոսիանան» անվանումը: Սա ընդունելի է այն պարագայում միայն, եթե այդպիսի գորգերն ստեղծողներ հավասարապես կարող են դիտվել հույն, իտալ, սիրիացի, պարսիկ, թուրք կամ արաբ վարպետները: Նվազ արժեքավոր, ստախ ոչ հատկանշական ժամանակակից թուրքական գորգերը ստացել են «անատոլիական» անվանումը: Ինքնանացի գորգագետ Կ. Իրզման ջանքերով շրջանառության մեջ մտավ «սելջուկյան գորգ» հասկացությունը, որպես թուրքականի վաղ ավանդների կրողը: Այս արհեստական տեսակետը որդեգրեցին գերմանացի և թուրք մասնագետները, մինչդեռ մասնագետների մեծ մասը անհանդուրժողական դիրք զբաղեցրեց: Ըստ XI դարի թուրք հեղինակ Մամուդ Կաշգարիի, քոչվոր սելջուկ-թուրքերը տիրապետում էին ընդամենը մեկ արհեստի՝ վրանների (յուրթ) փայտյա կառուցվածքի պատրաստմանը: Ա. Վամբերի, Կ. Ա. Իորդանսկու, Հ. Ա. Օրբելու, Ս. Գ. Աղաջանովի և այլոց աշխատությունները համոզել ենրպով ապացուցում են, որ այսպես կոչված սելջուկյան արվեստը սելջուկներինը չէ, այլ Փոքր Ասիայի հնագույն տեղաբնիկ ժողովուրդներինը՝ ամենից առաջ հայերինը և հույներինը, և որ թուրքական կոչված արվեստը զարգացել է ոչ թե սելջուկյան ավանդների, այլ այդ հույն ժողովուրդների արվեստների հիման վրա՝ սիրիական, արաբական, տարսկական ավանդների ներսուծմամբ: Նույնը կարելի է պնդել զորղերի կապակցությամբ: Թուրք-սելջուկները արվեստը նրանց նախկին հայրենիքում՝ Միջին Ասիայում կերտել են դարձյալ ոչ թե նրանց բուն վրացիներիցները, այլ նստակյաց իրանալեզու ժողովուրդները: Ի վերջո, այդ արվեստները և կուլտուրան նրանց կենցաղն են մտել հիշյալ նստակյաց, բազարակիր ժողովուրդների առախնական և մանավանդ բուն թուրքացման (հատկապես Փոքր Ասիայում) ճանապարհով, որ նույնպես ապացուցվում է պատմական փաստերով: